

Маллалиев Гюлахмед Нуралиевич

научный сотрудник

Институт языка, литературы и искусства

ФГБУН «Дагестанский научный центр

им. Г. Цадасы» РАН

г. Махачкала, Республика Дагестан

ЖАНР ГАЗЕЛИ В ТАБАСАРАНСКОЙ ПОЭЗИИ

***Аннотация:** в статье рассматриваются образцы газельного жанра в табасаранской поэзии на материале художественных текстов К. Рамазанова, А. Ханмагомедова и Э. Ашурбековой.*

***Ключевые слова:** газель, табасаранская поэзия, редиф, тема любви, любовные страдания, бейт, жанровый канон, традиционные мотивы.*

Первым из табасаранских авторов к жанру газели обратился К. Рамазанов. В его сборнике «С доброй надеждой» [4] представлены более 50 газелей, в которых он стремится к соблюдению основных требований жанра, за исключением упоминания в последнем бейте поэтического имени (тахаллуса) автора. Газели К. Рамазанова состоят из 7 бейтов; их преимущественная тема – воспевание любимой; нередко используется редиф; основные мотивы – традиционные газельные: – страдания возлюбленного, воспевание красоты любимой, жалобы героя на свой незавидный удел и т. д.

Так, в газели «Трогать мое раненое сердце разве можно...» («Зиян али йиз кІвак кучуз хай шулин...») душевные муки влюбленного героя, крайняя степень его отчаяния передаются через яркие и реалистичные по своей жестокости гиперболические образы терзаемого физического тела: *сердце с открытой раной* («зиян али юкІв»), *бросать живьем в горящее пламя* («жан илмиди дерниъ итуб»), *тело, как мясо, кипящее в злом казане* («беден йиккси убхъурайи пис гъазникк»), *пар от скорбных вздохов [возлюбленного] закрывает солнце* («йиз ухътналан гъябгъурайи илнахъди багъалу ригъ ккебкуз гъитуз») и др [4, с. 27].

Редиф *разве можно?* («хай шулин?») подчеркивает жестокосердность возлюбленной, играющей, как кошка с мышкой, с душой лирического героя и без повода обижающей его: *Трогать мое с сердце с раной разве можно, / В горящую смолу бросать меня разве можно?* («Зиян али йиз кІвак кучуз хай шулин, / Убхьру гьирик узу китуз хай шулин?»); *С моей душой, что кошка с мышкой вытворяет, / Вытворяя, счастливые дни губить разве можно?* («Йиз рюгьянкан гатди кьюлкан апІрудар / АпІури шад йигьар ккутІуз хай шулин?») [4, с. 27].

В сборник «Свет и тени» К.Рамазанов, помимо опубликованных в предыдущей книге газелей, включил новый цикл из 18 стихотворений. По проблематике и своей тональности они качественно отличаются от первого цикла: любимая становится объектом воспевания только в двух газелях: «Дрожишь, когда любимая тревожится» («ГукІни шулу, ярик гьалаб гьабшиган»), «По небу летаю ради твоей любви» («Завариан тІирхураза яв аьшкьназ...»), а любовные терзания лирического героя в новом цикле уступают место душевным мукам и страданиям, вызванным несовершенством мира и царящей в нем несправедливостью, отсутствием гармонии в устоявшемся порядке вещей. Акцент в газелях перенесен с любовной темы на социально-философскую: «Запутались дела, начало мира невозможно найти...» («Гъяхьна ляхнар, дюн'яйин кІул бихьурдар»); «Почему мир безжалостно стал упрям...» (Дюн'я гьапІуз инсафсузди дубхьна терс...») и др.

Несправедливое устройство мира, утрата им гармоничной цельности, нарушение нравственного порядка переданы через образы, отражающие разные аспекты общественной жизни: *Мало осталось радостных голосов детей* («ЦибтІан имдар бицІидарин шаду сес»); *Новые обжоры появились на свете, / Чью мерзкую жадность не утолить ничем.* («Цийи жадлар удучІвна дюн'йиз / Сабдиканна адрабцІрудар мурдал нефс»); *Да ни встретится не знающий Каабу, веру человек, / Когда разговаривает, хорошее-плохое не знающий человек.* («Раст даришри Кьибла, иман агьдру кас, / Гаф апІруган, ужуб-харжиб аьгьдру кас») [5, с. 19] и т. д.

В состоянии смятения пребывает и лирический герой, с прискорбием наблюдающий все это: *Легкого для сердца ни единого дня не имея, / Скорбью полон вот мой двор.* («Рягъят йигъ кІваз гъич сабкъана адарди / Хажалатну абцІна магъа йиз гъяят»); *Будто в горле кость, (тяжело) идет / Окрашенный скорбью в черный цвет каждый вдох.* («Дюднигъ кІураб гъайиганси гъюрайиз, / Гъамру кІару рангнак кипну гъар нефес») [5, с. 16].

Исцеляющей силе слова, его созидательному началу посвящена газель «Хоть и (живут) на земле, почему, не знают люди...» («Жил'ин алшра, инсанариз аьгъдар гъаз...»), в которой автор призывает внимательно обращаться к словам, разумно пользоваться ими. Семантически – как антоним – соотнесена с нею другая газель «Ломкого человека замораживающие слова...» («Уьргъру инсан аргъурайи гафари»). Посредством эпитетов и метафор – *тысячи душ ломающие слова* («агъзур рюгъяр уьргъурайи гафари»), где попало бегающие слова [то есть произносимые там, где не следует] («ккабхъу йишвахъ жаргъурайи гафари»); *из грязного сердца идущие слова* («чиркин кІваан гъягъурайи гафари»); *с зазубринами... / Лица народов раздирающие слова.* («...сарс алди, / Халкъдин машар чІяргъурайи гафари»), *здоровые намерения разрушающие слова* («Сагъ ниятар чІюргъурайи гафари») [5, с. 22] и др. – автор передает разрушительную силу слов.

Таким образом, в газельном творчестве К.Рамазанова прослеживается эволюция жанровой тематики: от традиционной любовной темы он переходит к художественному осмыслению в рамках жанра социально-нравственных и философских проблем.

Более ощутимые новации в традиционный восточный жанр привносит русскоязычный табасаранский поэт А. Ханмагомедов. Помимо газелей в чистом виде («Русская газель», «Газель») им созданы новые жанры – газельные восьмистишья и газельный сонет.

В «Русской газели», посвященной березе, А.Ханмагомедов пытается совместить две поэтические традиции – восточную и русскую:

Берёза, о тебе не сложены доселе

на русском языке певучие газели.

*Запали в душу мне и твой прощальный взгляд,
и белоснежный стан, и лиственные трели.*

*Ах, без тебя, увы, берёзовость сама
возможна лишь в мечтах, а не на самом деле.*

*Как робкая листва, впервые о тебе
газельные слова во мне зашелестели.*

*Чтоб ты смогла понять восточные стихи,
они сложились так, как будто обрусели [6, с. 12]*

Для раскрытия образа русской березы автор использует поэтику восточного жанра: газельный способ рифмовки (*aa ba ca da ea*); типичная газельная коллизия – стремление лирического героя слиться с предметом своего желания, преодолеть разделяющую их пропасть, и невозможность его осуществления (запавший в душу «прощальный взгляд» березы, «березовость», что «возможна лишь в мечтах, а не на самом деле»); имплицитно присутствующие в тексте характерные газельные мотивы – воспевание возлюбленной, противопоставление лирического героя и героини. Береза в русской поэзии ассоциируется с девушкой/невесткой, поэтому эпитеты *березовость, белоснежный стан, лиственные трели* – это, по сути, те же самые традиционные газельные эпитеты, используемые для описания красавицы, но адаптированные к русской поэзии («как будто обрусели»).

В то же время отклонением от жанрового канона можно считать наличие в «Русской газели» некой тематической «сюжетности», тогда как бейты в газели «обладают автономностью... при этом господствует ассоциативная свобода сочетания бейтов, представляющих собой разные мотивы» [6, с. 194].

Аналогичное линейное развитие темы можно проследить и в «Газели» А. Ханмагомедова. Описание встречи с возлюбленной – так называемый газал, который подразумевает соответствующую – высокую или сокровенную – тональность, автор заменяет фривольной сценой в цирюльне, где женский парикмахер, с которым «не всякой особе доступно общенье», проводит кистью «по

чутким ресницам, по хрупким ногтям вдохновенно», карандашным взмахом «темнит золотистые брови» клиентки, бреет «в угоду красоте подмышки» и даже опускается «до сути ее основной», но получает звонкую «оплеуху». Субъектом действия здесь вместо страдающего героя, влюбленного в недоступную красавицу, выступает ловелас-цирюльник, главной целью которого является не воссоединение с любимой, а переживание прекрасных мгновений: «Прощайте, богиня, не пачкайте пальцы о деньги, / мне, кроме мгновений, не надобно платы иной» [6, с. 7].

Таким образом, в «Газели» А. Ханмагомедова поэтика восточной газели подвергается пародированию: романтическое преклонение перед объектом любви огрубляется до эротизма; страдающий влюбленный заменен сладострастным и готовым на риск цирюльником; стремление к телесному воссоединению с возлюбленной – желанием получить эстетическое наслаждение через переживание прекрасных мгновений.

В газельном жанре в 2000-ые годы пробует свои силы и Э.Ашурбекова. Главная тема ее газелей – страдания лирической героини, вызванные холодностью возлюбленного. То есть в плане субъектной организации ее газели отличаются от классических: традиционный лирический герой, страдающий от любви к красавице, заменен лирической героиней. Однако это нельзя считать нарушением жанрового канона, так как подобная «замена» ролей в газелях существовала еще в XV веке, когда появились тюркские поэтессы, творившие в жанре газели, как-то: Михри-хатун (ок. 1456–1512), азербайджанская поэтесса Натаван (1830–1897) и другие» [3].

Интенсивность душевных и физических терзаний героини автор передает гиперболическими образами, а также уподоблениями в русле фольклорной поэтики: *Из-за скорби волдыри выскочили на моих губах, / Из-за плача оранжевый окрас приобрели мои черты.* («Дердну кІафнар утІурчвнайиз кІвантІариз, / Ишбу диркѣ ранг ѣивнайиз кІалбариз»); *Как зверь в капкане, пребывая в тревоге, / Благодатный дух мой превратился в рану.* («Рукъариъ нахширси, гъалабнаъ абхъну, / Баркаван рюгъ илтІибкІнайиз зийнариз»); *Мягкая постель моя*

стала скалой с острыми краями / Для истончившихся, как стекло, снов.
(«Гьюдли ахин мурзар али гьарз дубхьна / Гюзгюси чИлли духьнайи нивкIариз») и др [1, с. 43].

Классическая для газельного жанра ситуация в 6 бейте неожиданно осовременивается: *Один твой голос обрадовал бы меня, / Сколько же мне ждать твоего* [телефонного] *звонка?* («Саб яв сесну апИдийзу кьутармиш, / Фукьан ккилигуза увхьан зенгариз?») [1, с. 43].

Жестокости возлюбленного, губящего любовь героини, посвящена газель «Что ж я такого тебе сделала...» («Гьадмукьан аьхюб ву гьапIну узу увуз...»), в развитии лирической темы которой отчетливо выделяются несколько фаз. В первых двух бейтах героиня вопрошает возлюбленного, чем она провинилась, что он так бездушен и жесток с ней; в третьем и четвертом подчеркивается сила любви к нему – *Мои мысли, сердце, дыхание полны тобой.* («Йиз фикрар, юкIв, нефес увухьди ацIна»), из-за которого ее *печаль стала скорбной тайной, которую ни решить нельзя, ни бросить* («Духьна увкан йиз перишан гьамлу сир / Я гьял апIуз даршлуб, ясан ккатIабхьуз»). В пятом и шестом бейтах измученная героиня мечтает забыть о своей страсти: *Ах, если бы можно было скорбные мысли с души, / Как скорлупу с ореха, скинуть. / Или ж можно было тебя из моего слепого сердца, / Как косточку из вишни, вынуть* («Пагь шуйишки дердлу фикрар йиз кIвалан. / Хифралан гьаркв алдаIруси, алдауз. / Вая шуйиш уву йиз сакьур кIваан, / Беълийин гил адабгьруси, адагьуз») [1, с. 44].

Однако в замыкающем композиционное кольцо финальном бейте героиня отмечает свои надежды и признает невозможность их осуществления, и этим самым соблюдается жанровое требование газели – невозможность разрешения любовной коллизии: *Моя душа привыкла к твоей душе, / И я уже ничего не могу сделать* («Йиз рюгь яв рюгьниин гьабхьну дадалмиш, / Сарун шулдар узхьан фукIара апIуз») [1, с. 44].

Проведенный анализ показал, что табасаранские авторы успешно осваивают новый для национальной литературы жанр поэзии. В своих образцах они, с одной стороны, стремятся соблюдать основные жанровые требования, предъяв-

ляемые к поэтике и формальной структуре газели, с другой стороны, пытаются осовременить ее содержание и внести новшества в субъектную структуру жанра.

Список литературы

1. Ашурбекова Э. Дай мне место в сердце своем. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2010. – 304 с.
2. Бройтман С.Н. Теория литературы: Учеб. пособие для студентов фи-лол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тamarченко. – Т. 2: Бройтман С.Н. Историческая поэтика. – 3-е изд., стер. изд. – М.: Академия, 2008. – 368 с.
3. Попова М. «На губах твоих, горящих подобно берегам с саранками...». Особенности якутских жанровых форм, заимствованных из восточной поэзии (на материале творчества современных поэтов // Историко-географический, культурологический журнал «Илин». – №2 (49), 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ilin.sakhaopenworld.org/2006-2/80.htm>
4. Рамазанов К.С. доброй надеждой. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1990. – 112 с.
5. Рамазанов К. Свет и тени. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1998. – 212 с.
6. Ханмагомедов А. Иная акварель: стихи. – Дербент: Юпитер, 1995. – 31 с.